

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна

Тезисы докладов

международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
выдающегося отечественного слависта
д.ф.н., проф. С.Б. Бернштейна

15–17 марта 2011 г.
г. Москва

Москва – 2011

Г л а в н ы е р е д а к т о р ы :

А.Ф. Журавлев

д.ф.н. зав. отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН

Н.Е. Ананьева

д.ф.н. зав. кафедрой славянской филологии
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Н а д к н и г о й р а б о т а л и :

А.Ф. Журавлев, Г.К. Венедиктов, Н.Е. Ананьева, В.П. Гудков, В.С. Ефимова,
К.В. Лифанов, Ф.Р. Миннос, Т.С. Тихомирова, Ф.Б. Людоговский,
О.А. Ржанникова, М.Н. Толстая, А.И. Изотов, М.М. Алексеева,
Д.Ю. Анисимова, Г.П. Тыртова, М.И. Леньшина, Н.Н. Старикова

Р е ц е н з е н т ы :

д.ф.н., в.н.с. Института славяноведения РАН

И.А. Седакова

д.ф.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Е.В. Петрухина

Сборник «Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна» посвящен 100-летию со дня его рождения и содержит материалы более чем двухсот докладов. В сборнике представлены доклады по истории языка, этимологии, диалектологии, лексикологии и лексикографии, фразеологии, грамматике, социолингвистике, истории славистической мысли, методике преподавания языка, семиотике, теории перевода и литературоведению. Издание адресовано славистам самого широкого профиля.

The collection of articles «Modern Slavic studies and academic heritage of S.B. Bernstein» is devoted to 100th anniversary of his birth and includes more than 200 reports. This collection contains the reports about the history of language, etymology, dialectology, lexicology and lexicography, phraseology, grammar, sociolinguistics, history of Slavistic thought, methodic of language teaching, semiotics, theory of translation and literary theory. The publication is addressed to the broad specialists of Slavic studies.

ISBN 5-7576-0225-2

букву *С*. Любопытны, прежде всего, данные о количестве наименований с начальным *су-*. В русских ЭС на фоне единичных фиксаций в словарях Преображенского (только *судорога*) и Черныха (3) неожиданно много (53 лексемы в качестве заглавных слов) содержит словарь Фасмера; 34 наименования с *су-* этимологизируются в 5 т. академического украинского словаря; в ЭС лужицких языков Шустера-Шевца *су-*derivатов обнаруживается 10, в сербскохорватском Скока – 3, в словенском Безлая – 12. Белорусский этимологический словарь представляет в 13 т. принципиально большее количество таких наименований – именно 124 (среди которых 18 возможных или обсуждаемых в порядке выдвижения версий).

В докладе предполагается подробно рассмотреть семантику впервые этимологизуемых белорусских префиксальных дериватов с начальным *су-* в связи с широким кругом сопутствующих проблем: семантикой славянских параллельных образований, их географией, возможным расширением праславянского диалектного лексического фонда, методологией этимологического исследования и т. п.

Марта Бјелетић (Београд)

Допринос проучавању родбинске терминологије у српском језику (чукундед)

Термини за означавање мушког претка у четвртном колелу образују се низањем префикса (*прапрадед*), али су у српском и хрватском језику далеко распрострањенији називи са елементом *чукун-/шукун-*, чије се порекло различито тумачи.

Штрекелј указује на ром. *secundo-* као на исходиште с.-х. *шукун-* (Štrekelj 1890: 457), што прихвата Трубачев (1959: 70). Скок само преноси Штрекелево мишљење напомињући да романских паралела нема (Skok 3: 192), уп. ипак срлат. *secundus heres* «унук» или вен. *secondo zerman* «другобратучед» (в. Verneker 163).

Тезу о турском пореклу заступа Шкаљић, изводећи *чукун-* од тур. *kökün* «темель, основа, корен» (Škaljić 1979: 592), слично и Стаховски, који наводи и срсм. колокви. облик речи *kükün* «породица; место рођења» (Стаховский 1967: 209). Прелаз *ç- < k-* јавља се у турским говорима, уп. *çüçük < küçük* «мали».

Облици на *ш-* забележени су од 17. века, а они на *ч-* од почетка 19. века. Њихови различити ареали (*шукун-*: Црна Гора, Приморје са острвима, Босна, Херцеговина, Хрватска; *чукун-*: Војводина, Барања, централна и југоисточна Србија, централна Црна Гора) можда указују на то да су у питању две етимолшки различите основе које су се приближиле на фонетском плану.

Реч је потврђена и у мак. *чукундедо*, дијал. (*ч*)*укундедо*, буг. дијал. *ч'укундјодо*, *чукун' деду*, *чуг деду*, тако да можемо говорити о јужнословенској речи неизвесног порекла, која је наизглед сложеница са слов. *dědъ* у другом делу, док први део остаје нејасан (ОС 83–84).

Ново светло на старину, а тиме и на могуће другачије порекло разматраног термина бацају стрп. топоним *ou коун'дѣгъ*, *wt коун'дѣга* («Светостефанска хрисуваља») из 1316. године, који Пешикан (1981: 26–27) чита као *Кундећ* и изводи га из лат. *candidus* «бео, сјајан» и антропоним *кѣн'дѣдъ* као име влаха на дечанском поседу, за који Грковић (1986: 111) претпоставља исто порекло. Ако би и било тако, *ѣ* за ром. *i* у другом слогу тешко се може објаснити дручије него наслањањем на слов. *dědъ*. Лома у свом прилогу уз фототипско издање Светостефанске хрисуваље (у припреми) сматра да је изворни облик топонима био *Кундѣћ*, *-а* и види у њему придев на *-ѣ* од термина сродства **кундѣд*, у вези са *џукундед*. Ако је у питању романизам, могло би се помишљати да је и у романском постојао термин сродства којим се даљи предак означавао као «бео», уп. у српском *бели орао* «најдаљи предак» (Бјелетић 2001: 112–113). У прилог тој могућности говори прилагођавање позајмљенице словенском *dědъ*.

Ако је пак реч у целини словенска, намеће се поређење са каш. *kužād* «злодух; ђаво» поред *žād* «ид.» (< **dēdъ*), где се назив за деду пренео на кућног духа (као одраз култа предака) и секундарно на ђавола (када се тај култ почео сматрати реликтом паганства). Елемент *ku-* тумачи се као ие. пејоративни префикс, присутан у синонимним каш. облицима *kudjābel*, *kusrāt* (SEK 3: 110).

Најзад, имајући у виду буг. синтагме *от кучун дядо*, *от кочун дядо*, *от кукуњ дядо* «одавно, од памтивека», у обзир треба узети и фразеологизме типа с.-х. *од кукувјека*, *од кукувијека* «ид.», *на куково лето*, *на куковдан* «никад» и сл. Лексеме из ове групе имају значења: «искривљен, повијен», «дрвена палица, штап, штака повијеног облика», «избочина, брежуљак» и сл., од којих прво упућује на особине хтонског божанства (искривљен, хром), док позната фалусна симболика «палице, штапа», односно «брда, виса» указује да је можда реч о божанству плодности (в. Мршевић-Радовић 2008: 72–73), уп. довођење буг. *кочун* у везу са *кочан* «кочањ», али у преносном значењу «membrum virile», уз упућивање на израз *от дядовия ми* '*membrum virile*' «одавно» (БЕР 2: 690).

БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971–.

Бјелетић 2001 – М. Бјелетић. Беле пчеле, Кодови словенских култура 6. Боје. Београд, 2001. С. 106–118.

Грковић 1986 – М. Грковић. Речник имена Бањског, Дечанског и Призренског властелинства у XIV веку. Београд, 1986

Мршевић-Радовић 2008 – Д. Мршевић-Радовић. Фразеологија и национална култура. Београд, 2008.

ОС – Огледна свеска. Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ. Београд, 1998 (Библиотека ЈФ н.с. 15).

Пешикан 1981 – М. Пешикан. Историјска топонимија Подримља II // Ономастолошки прилози 2. Београд, 1981. С. 17–92.

Стаховский 1967 – С. Стаховский. Турцизмы в словаре Я. Микали // Этимология 1965, М., 1967. С. 196–210.

Трубачев 1959 – О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Berneker – E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A – мoгь. Heidelberg, 1908–1913.

- SEK – *W. Boryś, H. Popowska-Taborska*. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. I–V. Warszawa, 1994–2006.
- Skok – *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Škaljić 1979 – *A. Škaljić*. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979⁷.
- Štrekelj 1890 – *K. Štrekelj*. Beiträge zur slavischen Fremdwörterkunde I // Archiv für slavische Philologie XII. Berlin, 1890. S. 451–474.

Н. А. Бойко (Киев)

Дегидронимные ойконимы в славянском языковом пространстве

Ономастическое пространство, т. е. мир окружающих человека собственных имен, представляет собой непрерывный ряд незаметно сменяющихся типов. Имена смежных ономастических полей (которые могут быть выделены внутри ономастического пространства) настолько тесно друг с другом связаны и зависят друг от друга, что взятые отдельно, оказываются непонятными, немотивированными. Имена, входящие в каждое поле, представляют собой систему, каждый член которой связан с другим следующими параметрами: территория, время, разновидность объекта и т. п. Онимы, составляющие каждое поле, системны; системы смежных территорий и эпох плавно переходят одна в другую.

Дегидронимные ойконимы, т. е. названия населенных пунктов, образованные от наименований водных объектов (гидронимов), имеют свою специфику. Эта специфика заключается в системном характере двух топонимических классов, в основе которого лежит различие, существующее между географическими объектами: природными объектами, с одной стороны, и объектами, созданными человеком, с другой. Эти два класса отличаются также принципами номинации, происхождением и структурно-грамматическими моделями.

Ойконимы, производные от названий водных объектов, представлены во всех славянских языках. Процесс возникновения дегидронимных ойконимов можно представить в виде схемы:

реалия → гидрообъект → населенный пункт.

Условно дегидронимные наименования населенных пунктов можно разделить на две группы: 1) ойконимы, производные от гидрографических терминов (*река, озеро, ручей, ключ, родник, устье, лука, плесо* и др.); 2) ойконимы, образованные от гидронимов (г. *Нитра* ← р. *Нитра*, г. *Витебск* ← р. *Витьба*, н. п. *Залуква* ← р. *Луква*, н. п. *Рокупско* ← р. *Кура* и др.). Такое выделение двух групп в пределах данной подсистемы онимической системы обусловлено разными средствами объективации номинационного признака. Если объектом, относительно которого осуществлялась номинация, выступала река, то обычно используется ее название, причем преобладают процессы деривации. Одним из технических способов номинации дегидронимных ойконимов является словосложение, довольно распространенное в некоторых языках.

Особенности мотивации данного типа онимов обусловлены тенденцией топонимической номинации, которая свойственна преимущественно народам индо-